

Слева направо: Алексей СУРКОВ, Дмек АЛТАУЗЕН, Александр ЖАРОВ, Демьян БЕДНЫЙ. 1940 год.

страницы воспоминаний

См. в «Сражающаяся поэзия» 13 апр 1973 г.

СРАЖАЮЩАЯСЯ ПОЭЗИЯ

К 90-летию со дня рождения ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

В. ПЕРЦОВ

Свою поэтическую работу Демьян Бедный подчинил боевым задачам дня, выполняя, как он выражался, «подвиг ежедневный». Агитационно-поэтическая работа Демьяна облегчила первые шаги Маяковского в «Окнах РОСТА».

Слово Демьяна Бедного, коренное, русское, толковое, как в пословице, острое, вольное, как в частушке, всегда было обращено к миллионам людей труда. Он принципиально противопоставил свой «твердый, четкий стих» смутно-субъективистскому стиху поэтов декадентского толка. У Демьяна Бедного была и своя замечательная лирика, где лучшее посвящено образу Ленина, раздумьям о военных и трудовых победах народа. Его принципы художественного мастерства входят органически в решение нашей поэзией задач народности и партийности.

ДВА ЛИ я смог бы сколько-нибудь полно пересказать содержание того разговора, который довелось мне однажды вести с Демьяном Бедным в таких условиях, когда ни поэт, ни я не были ограничены временем и я мог быть вполне спокоен, что не только не надоедаю своему собеседнику, а, напротив, представляю известный интерес для него. Мы ехали в одном вагоне из Тбилиси в Москву, возвращаясь с пленума Союза советских писателей, посвященного 750-летию великой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Это было в начале 1938 года.

Сколько я узнал тогда нового о самом поэте и вообще нового для меня: о классическом и народном грузинском стихе и их связях с русским, о фольклоре и профессиональной поэзии, о роли сказа в творчестве Пушкина... Тут-то я вспомнил, что ведь Демьян Бедный был собирателем единственной в своем роде библиотеки поэзии, если не считать Ивана Никаноровича Розанова — известного московского профессора — собирателя, влюбленного в чудеса русской лирики трех веков. Заметив, что его эрудиция меня ошеломила, Демьян Бедный, по-видимому, сжалившись над мной, критиком, сообщил мне, что в свое время ему предстояла ученая карьера, что его хотели оставить при кафедре филологического факультета Петербургского университета. Были разговоры и на другие темы, можно сказать, общечеловеческие, гораздо более волнующие. Не могу себе простить,

что я не записал тогда деталей рассказов Демьяна Бедного, как он помогал отдыхать В. И. Ленину, как он старался развлечь Владимира Ильича во время совместных прогулок с ним в Кремлевском Дворце после заседаний Совнаркома или в перерывах между ними. Сцены эти стоят в моей памяти, как живые, как будто я при них присутствовал и сам слышал заразительный смех Владимира Ильича в ответ на мастерские устные рассказы и острые шутки поэта...

Встречи с Демьяном Бедным, о которых мне уже доводилось рассказывать в нашей печати, оставили разные следы в моей памяти историка советской литературы — и очень значительные, и полуанекдотические. Но это ведь были встречи с поэтом. Пусть же читатель простит мне, если я наряду с важным буду говорить и о чудачествах оригинального мастера слова.

Вернусь к пребыванию нашему в столице Грузии.

В одном из самых больших театров Тбилиси, кажется, в Театре имени Руставели, был устроен вечер приехавших из Москвы поэтов. Я сидел в одном из рядов, близких к рампе, в соседстве с двумя очаровательными школьницами грузиночками. Они говорили о русской поэзии столь живо и заинтересованно, что невольно заставляли меня прислушиваться. И вот объявили: «Сейчас будет выступать поэт Демьян Бедный». Трудно передать, что произошло в этом, привыкшем к грому аплодисментов театральном зале. Но меня больше занимало поведение моих юных соседок. Уви-

дев огромного фигуру поэта, направлявшегося к кафедре, они стали о чем-то бурно переговариваться, заглядывая в какую-то книжку, лежавшую у одной из них на коленях, и бросая взгляды то на ее страницы, то на спокойно возвышавшегося над трибуной — ожидавшегося тишины — почетного гостя. Я наклонился и увидел на странице книги рисованный штриховой портрет Демьяна Бедного в школьном учебнике. И я понял их молодое волнение: живой Демьян Бедный был для них воплощенным мифом русской поэзии Октябрьской революции. А ведь в президиуме — Александр Серафимович, и Александр Фадеев, и Александр Малышкин, — думаю, трех этих Александров достаточно, чтобы оценить представительность московской делегации писателей.

В то время в Тбилиси еще существовали духаны. Если общительность представляет собой одно из тех свойств человека, в которых его природа проявляет свои лучшие черты, то в грузинском народе они как бы достигают своего высшего выражения как черты национального характера. Мы вошли в один из духанов большой компанией, среди нас были Алексей Силыч Новиков-Прибой и Демьян Бедный. Усевшись за одним из столов, еще не накрытым, но на котором при одном нашем появлении возникла невиданная в декабре яркая зелень — огромные огурцы и редиска, мы обменялись завистливыми репликами по поводу этих райских плодов грузинской природы. И сразу привлекли к себе внимание присутствовавших гостей. На другом конце обширного и в общем бедноватого помещения духана пировало, веселилось многолюдное общество, произносились тосты — по-видимому, отмечалось какое-то событие в жизни местного производственного коллектива. Неожиданно тамада встал и, повернувшись в нашу сторону, обратился к нам на русском языке. И сразу из уст его полился великолепный тост в честь писателей-москвичей. А вслед за ним встал еще один грузин, чье слово, адресованное нам, было еще более, я сказал бы, роскошным, но зачеркиваю этот эпитет, потому что главным в том, что говорил этот неизвестный нам человек, было хорошее знание действующих лиц современной русской литературы, которым предрекалась слава и выражалась благодарность за внимание к памяти величайшего грузинского и мирового гения Шота Руставели.

Нужно было отвечать на тосты. Нужно было суметь ответить на тосты. Мы, более молодые, с надеждой смотрели на Демьяна Бедного и Новикова-Прибоя: кто больше них имел право говорить от лица русской литературы? Должно быть, для того, чтобы стала очевидной наша близость с гостеприимными хозяевами республики, да и для того, чтобы выиграть время, Александр

Силыч, поспешавший с Демьяном, внес предложение двинуть наши столы и тосты ответные произносить уже за одним общим столом. Конечно, я не могу пересказать сколько-нибудь подробно содержание речей Демьяна Бедного и Новикова-Прибоя, но с удовлетворением вспоминаю, что содержание было в них необычное и, так сказать, исторически русское, и успех был огулительный. А такого хохота старый духанщик не слышал за все время существования своего заведения, явно опасаясь за его хрупкие глинобитные стены.

Тосты Демьяна Бедного и Новикова-Прибоя звучали как бы дуэтом. Одним из его мотивов стала великая слава Шота Руставели, с которой каждый из русских писателей-гостей хотел соразмерить скромность собственной славы. При этом автор «Цусимы» доказывал свое преимущество перед Демьяном Бедным, ссылаясь на тот факт, что он оказался волей судьбы в числе тех немногих, которые спаслись из вод Цусимского пролива после поражения в нем русской эскадры, где погиб и знаменитый наш живописец В. В. Верещагин. И если бы, говорил Новиков-Прибой, он объявил в Тбилиси свой авторский вечер для самой широкой публики, то без всякой обиды для юбилея Шота Руставели, на него, Новикова-Прибоя, сбегались бы и даже не читавшие его произведений, — просто чтобы посмотреть и послушать человека, оставшегося в живых при столь трагических обстоятельствах.

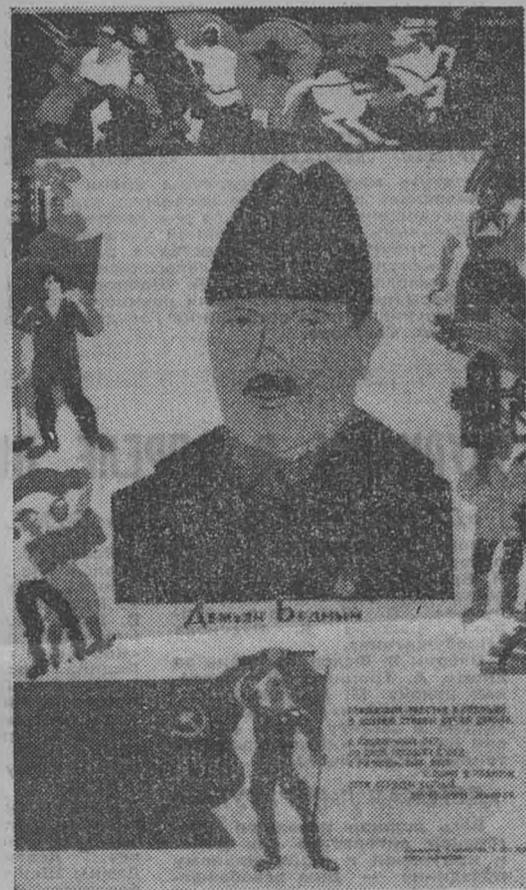
Демьян Бедный «аллаверды» к Новикову-Прибою произнес стихотворный экспромт во славу Шота Руставели, отдавал дань мужеству, таланту и счастливой судьбе автора «Цусимы», но не в состоянии сдержать свою страсть сатирика — напомнил, что, к сожалению, по своему уделному весу дерьмо легче воды — и плавает: в Цусимском преливе спасся и один из «великих князей».

Экспромт был длинный, и, заметьте, в стихах — не могу понять, как Демьян успел его составить в те несколько минут, что сидел, забившись в угол. Экспромт имел форму басни с моралью о неравной ценности того, что держится на поверхности литературы «на плаву». Восторг он вызвал неопишущим, в нем слились гости, и хозяева.

Впоследствии я искал у Демьяна басню на эту тему, но так и не нашел ничего похожего. Клянусь себя за то, что не записал из этого экспромта хотя бы нескольких строк.

Любопытно, что в те же дни, посвященные Шота Руставели, в Тбилиси рядом с баснописцем Демьяном Бедным, продолжателем Крылова, находилась мало кому известный в то время молодой поэт, который там именно и прославился, читая «Дядю Степу» землякам Шота Руставели. Впоследствии Сергей Михалков стал писать басни. Мне представляется уместным напомнить здесь его слова о Демьяне Бедном:

«Считая себя в известной степени учеником Демьяна Бедного, я представляю себе, как радовался бы он сегодня, узнав, какое почетное место в литературе занял жанр сатиры, которая была, есть и останется в борьбе с дедовскими пережитками прошлого. Если бы Демьян Бедный был сегодня с нами, он, конечно, стоял бы в первых рядах наших сатириков, сражающихся на переднем крае идеологической борьбы за коммунизм».

Плакат, изданный мастерской «Агитплаката» к 90-летию Демьяна Бедного.

ВАЖНЕЙШИЙ ДОЛГ ЛИТЕРАТОРОВ

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева был проведен МГК КПСС очередной семинар секретарей партийных организаций литературно-художественных журналов, издательств.

С информацией о выполнении заданий девятой пятилетки, ее третьего, решающего года выступил начальник сводного отдела народнохозяйственного плана Госплана СССР, член коллегии Госплана СССР В. П. Воробьев. Сообщение о работе пленума правления Союза писателей СССР на тему «Писатель и пятилетка» сделал секретарь правления СП СССР Ю. Н. Верченко.

Опыт работы секретарей парторганизаций «Литературной газеты» и еженедельника «Литературная Россия», журналов «Новый мир», «Знамя», «Театральная жизнь», издательства «Современник». Они рассказали о роли коммунистов в подготовке материалов, посвященных стройкам девятой пятилетки, ее людям; о работе по повышению идейно-художественного уровня произведений, главным героем которых — наш современник,

человек труда. В выступлениях отмечались плодотворность тесного и постоянного союза труда и искусства, необходимость закрепления уже найденных и поиска новых форм такого союза, говорилось о важности мобилизации всех членов творческих коллективов на выполнение актуальных задач, стоящих перед литературно-художественными изданиями, перед всей печатью. В работе семинара приняли участие секретарь МГК КПСС В. Н. Ягоднин и заведующий отделом культуры МГК КПСС И. Б. Бугаев.

**ГЛАШАТАЕМ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН
В ПОЭЗИЮ СТРАНЫ ВОШЕЛ ДЕМЬЯН.
С ПОДПОЛЬНЫХ ЛЕТ
ДО ДНЕЙ БОЛЬШИХ ПОБЕД
С НАРОДОМ БЫЛ ПОЭТ
В ДЫМУ И ПЛАМЕНИ,
ВСЕМ СЕРДЦЕМ ВЕРНЫЙ
ЛЕНИНСКОМУ ЗНАМЕНИ.**

Александр ЖАРОВ